

Дорожки прессы

1987

1988

ИСТОРИЯ

БЕЛЫХ

БЕЗ

ПЯТЕН

ЛЕНИЗДАТ
Социально-
коммерческая
фирма
«ЧЕЛОВЕК»

Эрнст Генри,
журналист-международник

От редакции журнала
«Дружба народов»

Это не литературный прием и не журналистский ход — мы действительно решили опубликовать (с любезного разрешения автора, разумеется) копию письма, пролежавшего в его архиве более двадцати лет. Оригинал, как водится, был в свое время отправлен адресату, но по причинам, которые теперь уже трудно установить, ответа, к сожалению, не последовало.

Автор письма — старейшина корпуса наших журналистов-международников, коммунист с 1920 года, лауреат премии имени В. В. Воровского Семен Николаевич Ростовский, которого читатели знают по псевдониму Эрнст Генри.

Адресат — выдающийся советский писатель, публицист и общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» и Государственных премий СССР Илья Григорьевич Эренбург (1891—1967). Письмо это носит личный характер. Однако, имея в виду большой общественный интерес, который вызывают факты, приведенные в нем, выводы, сделанные автором, а также то обстоятельство, что сам факт существования этого письма был предан гласности в недавно опубликованных новых главах мемуаров И. Г. Эренбурга, нам представляется вполне корректной и публикация текста самого письма.

Книга воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», напечатанная первоначально в журнале «Новый мир», который в начале шестидесятых годов редактировал А. Т. Твардовский, сразу стала событием не только литературной, но и общественной жизни. Тому было достаточно оснований: широта охвата событий и по времени, и по общественно-политическому их резонансу, портреты и характеристики множества интереснейших людей, с которыми довелось общаться и дружить автору, открытый, а подчас и нелицеприятный характер суждений о сложнейших явлениях общественной жизни, современником и участником которых он был, небанальность оценок — все это не могло не привлечь внимания читающей публики,

**ПИСЬМО
«ИСТОРИЧЕСКОГО ОПТИМИСТА»**

поставив произведения И. Эренбурга в ряд лучших произведений советской мемуристики. И еще одно важнейшее обстоятельство: в особую заслугу И. Эренбургу следует поставить то, что именно он первым нарушил многолетний заговор молчания вокруг имен многих выдающихся деятелей литературы и искусства, политиков и дипломатов, государственных и общественных деятелей, чья жизнь и деятельность были трагически оборваны в годы культа личности Сталина. При всем многообразии проблематики, затронутой автором, множестве исторических лиц, в полном смысле слова оживших на страницах его мемуаров (главы, посвященные И. Бабелю и В. Мейерхольду, — яркое тому доказательство), было в них нечто, ставшее предметом горячих споров, дискуссий и размышлений, ибо это было то, о чем думали и говорили в советском обществе конца пятидесятых — начала шестидесятых годов практически все: личность И. В. Сталина и его роль в нашей истории. Как известно, состоявшийся в 1956 году XX съезд КПСС осудил явление, получившее название «культ личности Сталина». В постановлении съезда «О культе личности и его последствиях» Центральному Комитету КПСС было поручено «последовательно осуществлять мероприятия, обеспечивающие полное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности, ликвидацию его последствий во всех областях партийной, государственной и идеологической работы, строгое проведение норм партийной жизни и принципов коллективности партийного руководства, выработанных великим Лениным». На закрытом заседании съезда с докладом, в котором прямо говорилось о тяжелых ошибках и преступлениях И. В. Сталина в период его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР, выступил тогдашний первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Оценка И. Г. Эренбургом личности И. В. Сталина не была однозначной, да и не могла быть таковой, — слишком противоречива была, с его точки зрения, фигура этого человека, три десятилетия стоявшего во главе

партии и государства. Однако даже эта неоднозначность, в которой к тому же преваляло явно негативное отношение, многим показалась недостаточной. Среди оппонентов И. Г. Эренбурга был и Эрнст Генри. Искусственный читатель обратит, конечно, внимание на известную односторонность суждений автора, в полемике, впрочем, может быть, и извинительную, но тем не менее не дающую возможности в полной мере оценить общую тенденцию развития советского общества как поступательного движения на пути к социализму — в 30-е годы был успешно выдержан курс на индустриализацию страны, многое сделано для укрепления ее обороноспособности, несомненно были огромные достижения советского народа в области культурного строительства. Однако эта односторонность, как нам кажется, не умаляет значения письма как исторического документа — а именно так, на наш взгляд, к нему следует относиться. В значительной степени отражая умонастроения советской интеллигенции шестидесятых годов, этот документ дает современному читателю представление о том, как глубоко переживали советские люди те негативные явления в истории нашей страны, которые так или иначе были связаны с именем И. В. Сталина. По соглашению с автором в тексте письма сделаны некоторые сокращения.

Илья Григорьевич!

Я принадлежу к тем, кто считает Вас одним из самых передовых писателей нашей страны. Как и другие, я особенно ценю Вас за то, что в трудные времена Вы стремились не гнуть спину и часто, когда другие молчали или лгали, вслух говорили правду.

Этим Вы завоевали себе место, которое у нас делят с Вами немногие, и этим прежде всего помянет Вас будущее. Каждый настоящий писатель или крупный публицист создает себе нерукотворный памятник, и Ваш построен на том, чтобы до конца не поддаваться неправде, даже в какой-то ее части. Я всегда думал, что Вы чувствуете это лучше многих других.

Тем более странно и непонятно было для меня прочесть некоторые Ваши вы-

скашивания о Сталине в заключительной главе Ваших воспоминаний в 4-м номере «Нового мира».

Вы откровенно пишете, что не любили и боялись Сталина, хотя и добавляете, что «долго в него верили». Вы не скрываете, не умаляете его «несправедливых, злых дел», его варварства, отмечаете, что при нем «мы не могли жить в ладу со своей совестью». Сказать это с Вашей стороны естественно: Вы говорите правду, и иного никто от Вас не ждал. Но в то же время, когда Вы теперь подводите итоги пережитому, в Ваших словах звучит нечто для меня неожиданное. Почти повсюду и, по-видимому, не случайно Вы переплетаете с мыслью о злых делах Сталина другую мысль: об его величии. Я перечитывал такие места, и мне стало ясно, что Вы делаете это сознательно. Зачем, Илья Григорьевич?

«Я хочу еще раз сказать молодым читателям моей книги,— пишете Вы,— что нельзя перечеркнуть четверть века нашей истории. При Сталине наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство... разбил армии Гитлера, победившие всю Европу... стал по праву героем XX века. Но как бы мы ни радовались нашим успехам, как бы ни восхищались душевной силой, одаренностью народа, как бы ни ценили ум и волю Сталина, мы не могли жить в ладу со своей совестью и тщетно пытались на многом не думать».

Вот это сילетение «зла и добра» в отношении Сталина и бросается в глаза. Оно повторяется несколько раз.

Выходит, что героизм советского народа как бы неотделим от несовместных с совестью дел Сталина. Не он ли своим злым, но «государственным умом, своей редкостной волей» и побудил народ на героизм? И Вы подчеркиваете эту уже возникшую в уме читателей мысль, говоря: «...я понимал, что Сталин по своей природе, по облюбованным им методам напoминает блистательных политиков эпохи итальянского Возрождения».

У Вас прямого вывода нет, но у многих он будет. Без Борджиа не было бы итальянского Возрождения, без Сталина не было бы превращения отсталой России в великое и героическое государство. Одно неотделимо от другого.

Это политически оправдательный приговор Сталину. И то, что выносите его Вы, Эренбург, трудно понять. Не Вам бы это делать, Илья Григорьевич.

Я знаю: Вы не политик и не историк, Вы художник. Вы говорите, как чувствуете, сказали Вы на одном собрании в ЦДЛ. Но ведь Вы очень много думаете о политике, о современности; сила Ваша как писателя именно в этом. Из художников слова Вы один из наиболее знающих, опытных и образованных. Вам известно очень многое о том, что было — было в действительности. Идти против совести Вы не хотите. Как же можете Вы, именно Вы, оправдывать Сталина, превращая его в некоего советского Борджиа или Макиавелли?

Хотелось бы, чтобы Вы меня поняли правильно. Дело не в метафизическом споре о том, может ли «зло» быть прогрессивным фактором в истории. Нет, я имею в виду совсем другое.

Беру на себя смелость сказать, что Ваша оценка роли и ума Сталина именно как государственного деятеля, а не как моральной единицы, совершенно расходится с исторической действительностью, с фактами.

Не стану говорить о многом, что известно всем, а Вам, в частности, лучше, чем мне. Тысячи книг будут написаны об этом и изданы у нас же, еще в нашем веке, может быть, даже скоро, скорее, чем думают. Я уверен в этом не только потому, что я оптимист, но и потому, что знаю по истории, как быстро и резко она — не всегда, но часто — восстанавливает истину и стирает ложь. Но пусть об этой, внутрисоветской стороне сталинских государственных дел напишут другие. Я коснусь только одного, того, что знакомо мне больше всего, — «ума и воли» Сталина в области международных и связанных с этим дел, того, какую роль сыграл он политически в судьбе нашей страны за ту четверть века, о которой Вы говорите...

Вы помните, Илья Григорьевич,— все мы из старшего поколения не можем забыть об этом,— как за несколько лет до войны с самым страшным врагом, который когда-либо противостоял России, было внезапно уничтожено или выведено из строя почти все основное ядро

высшего командного состава Красной Армии. По данным генерала Тодорско-го, было репрессировано:

из 5 маршалов Советского Союза	3
из 2 армейских комиссаров 1-го ранга	2
из 4 командармов 1-го ранга	2
из 12 командармов 2-го ранга	12
из 2 флагманов флота 1-го ранга	2
из 15 армейских комиссаров 2-го ранга	15
из 67 комкоров	60
из 28 корпусных комиссаров	25
из 199 комдивов	136
из 397 комбригов	224
из 36 бригадных комиссаров	34

Это неполные данные. Общее число репрессированных командиров Красной Армии не поддается учету. Если сосчитать только самый высший состав, от маршалов до армейских комиссаров второго ранга включительно, то окажется, что из 46 человек было выведено из строя 42. Если сосчитать всех и вывести среднюю цифру, то из каждых трех человек высшего командного состава Красной Армии жертвами стали двое.

Никакое поражение никогда не ведет к таким чудовищным потерям командного состава. Только полная капитуляция страны после проигранной войны может иметь следствием такой разгром. Как раз накануне решающей схватки с вермахтом, накануне величайшей из войн Красная Армия была обезглавлена. Это сделал Сталин. Ум или воли?

...Разрешите еще один взгляд на сцену событий в 30-х годах, но теперь совсем с другого фланга.

Накануне войны Сталин резко ослабил силу Красной Армии, разгромил ее командный состав и испортил ее стратегические позиции. Укрепил ли он ее положение, по крайней мере, в тылу вермахта — в политическом отношении? Нет, он испортил ее позиции и тут, и об этом Вы тоже должны знать лучше многих других, Илья Григорьевич.

Гитлер пришел к власти и удержался у власти, потому что германский рабочий класс был расколот надвое. Раскололи его реформисты. Это тоже известно, но это полуправды. Другая половина правды заключается в том, что расколоть рабочий класс Германии и на всем запа-

де Европы помог реформистам сам Сталин.

Я полагаю, Вы угадываете, что я имею в виду: знаменитую сталинскую теорию о «социал-фашизме». Кое-что в этой связи, мне кажется, Вы наблюдали во Франции и в Испании.

Сталин публично назвал социал-демократов «умеренным крылом фашизма». Еще в январе 1924 года он заявил: «Нужна не коалиция с социал-демократией, а смертельный бой с ней, как с опорой нынешней фашистской власти». Вы, может быть, забыли эти слова; Ваша область — искусство. Я не забыл, и не забыли миллионы старых коммунистов и социал-демократов на Западе. Но не Вам, Илья Григорьевич, не знать и не помнить, что происходило среди рабочих на Западе в 30-х годах.

Слова Сталина были таким же приказом Коминтерну, как его указания Красной Армии или НКВД. Они разделили рабочих друг от друга как бы баррикадой. Помните? Старые социал-демократические рабочие повсюду были не только оскорблены до глубины души, они были разъярены. Этого коммунистам они не простили. А коммунисты, стиснув зубы, выполняли приказ «о смертном бое». Приказ есть приказ, партийная дисциплина — дисциплина. Везде, как будто снятив с ума, социал-демократы и коммунисты неистовствовали друг против друга на глазах у фашистов. Я хорошо это помню. Я жил в те годы в Германии и никогда не забуду, как сжимали кулаки старые товарищи, видя, как дело идет прахом, как радуются социал-демократические лидеры, как теория социал-фашизма месяц за месяцем, неделя за неделей прокладывает дорогу Гитлеру. Сжимая кулаки, подчиняясь «уму и воле», шли навстречу смерти, уже поджидавшей их в эсэсовских застенках. Отказался Сталин от теории социал-фашизма только в 1935 году, но было уже поздно — Гитлер смеялся и над коммунистами, и над социал-демократами.

Когда же в 1939 году Сталин заключил пакт с Гитлером и приказал компартиям в мире тут же, моментально прекратить антифашистскую пропаганду и выступить за мирное соглашение с

Гитлером, стало совсем скверно. Я не хочу останавливаться на этом. Вы это помните. Сталин в то время уже не ограничивался разоблачением социал-демократов и коммунистов, теперь он начал дискредитировать и разоружать самих коммунистов на Западе! Еще два-три года — и компартии Запады были бы разрушены.

Да, «редкостная воля» была в наличии и тут. Она стоила нам огромных потерь...

Укрепив свой тыл в Германии и во всей Западной Европе, со злорадством наблюдая, как антифашисты грызлись друг другу глотки, Гитлер мог начать войну. И он ее начал. Его фронт и тыл были усилены политикой «советского Макиавелли». Вместо того чтобы накануне решающей исторической схватки объединять и собирать, Сталин разъединял, дробил, отпугивал. Никогда, ни при каких обстоятельствах, никому в мире Ленин не простил бы такой политики...

Говорить об этом нужно во что бы то ни стало. Если Вы неизвестно почему влетаете свои нити в клубок легенды о алом, но великом, то возражать нужно и Вам.

Я хочу довести эту цепь свидетельских показаний истории с предвоенных годов еще об одном, менее общеизвестном, — о случае с Шуленбургом.

Вы, как и все мы, знаете, что Сталин до конца, до последней минуты, слепо верил в слово Гитлера, данное в советско-германском пакте о ненападении. Вы знаете: «Сталин почему-то поверил в подпись Риббентропа» и, когда Германия напала, «сначала растерялся». Да, Гитлеру и Риббентропу он верил. Не поверил Зорге. Не поверил другим нашим разведчикам. Не поверил Черчиллю, предупреждавшему его через Майского и Крипса. И не поверил еще более осведомленному информатору.

Известно ли Вам, Илья Григорьевич, что за несколько недель до войны германский посол в СССР граф Шуленбург обратился к находящемуся тогда в Москве советскому послу в Германии Деканозову, другу Берии и доверенному человеку Сталина, и пригласил его к себе на обед для доверительной беседы?

Беседа состоялась. Присутствовали четверо: Шуленбург, его ближайший сотрудник советник германского посольства Хильгер (который впоследствии и рассказал обо всем этом), Деканозов и переводчик Молотова и Сталина Павлов. В Берлине об этой встрече ничего не знали. Уже после войны Хильгер сообщил в своих воспоминаниях, что Шуленбург очень боялся пойти на этот «отчаянный шаг», считая, что дело может кончиться судом в Германии за государственную измену. Тем не менее он себя пересилил. Предчувствуя, что война на два фронта в конце концов приведет Германию к разгрому, опытный немецкий дипломат старой школы, консерватор и националист, но не фашист, решился на все.

Он и Хильгер «открыли глаза» Деканозову. Они предложили ему передать Сталину, что Гитлер уже в ближайшее время может ударить по СССР. Это, безусловно, была государственная измена, и какая: посол сообщает правительству, при котором аккредитован, что его страна вероломно нападет на их страну. Шуленбургу грозили за это смерть и несмыаемый позор.

Но как реагировали Деканозов и Сталин? «Наши усилия, — пишет Хильгер, — закончились полным провалом». Сталин не поверил Шуленбургу, как не поверил Зорге и Черчиллю. Он счел, что сообщение германского посла всего лишь хитрый ход со стороны самого Гитлера с целью вынудить Сталина пойти на новые уступки немцам.

«Чем дальше шло время и чем больше я наблюдал за поведением русских, — пишет Хильгер о последних неделях перед войной, — тем больше я убеждался, что Сталин не сознавал, как близко было угрожавшее ему германское нападение... По-видимому, он думал, что сможет вести переговоры с Гитлером об его требованиях, когда они будут предъявлены». Хильгер добавляет, что Сталин был готов к новым уступкам Германии.

Три года спустя Шуленбург был повешен на железном крюке в берлинской тюрьме Плетцензее за участие в заговоре генералов против Гитлера. Известно, что до этого он намеревался пере-

браться через фронт к нам, чтобы от имени заговорщиков договориться о прекращении войны. Гитлера и Сталина нет, Деканозов расстрелян, но Павлов жив. Если не хотите верить Хильгеру, спросите Павлова.

Сталин накануне войны совершенно запутался, никого не слушал, никому не верил, только себе. И в решающий момент оказался банкротом. Оттого, как Вы пишете, он и «растерялся вначале».

Выяснилось, что его рукой водил Гитлер. Несмотря на гигантский информационный и агентурный аппарат, который был в его распоряжении, аппарат, прекрасно сработавший в этот момент, несмотря на то, что его осведомителем оказался сам германский посол — неслыханный случай в дипломатической истории! — он был слеп, как крот. Почему? Ответ перед глазами: Сталин думал, что Гитлер ведет с ним игру, которая была привычна ему самому, в которой он всегда видел подлинное содержание всей политики, — игру в обман и шантажирование другого. Он хотел сыграть с Гитлером, как до этого играл со своими противниками в большевистской партии. А Гитлер уже двигал танки к советской границе. Для фюрера теперь речь шла уже не о том, чтобы обманывать и шантажировать, а о том, чтобы бить и бить.

Илья Григорьевич, не бросается ли опять Вам в глаза удивительное сходство Сталина со злосчастными царскими политиками нашего далекого прошлого? Он был хитер, о да. Но он не был, как заметил Раскольников, даже по-настоящему образован.

Я не могу и не хочу поверить, что Вы испытываете почтение к хитрости, Илья Григорьевич. Хитры были и многие царские министры (умен был, пожалуй, лишь один прогнанный царем Витте). Мало что дала их хитрость. Ведь как раз хитрость часто мешает быть умным. Человек, который видит вокруг себя только то, что в нем самом, только хитрость, очень часто слеп, каким и оказался Сталин накануне войны. Не Маккиавелли и не Борджиа он был, а потерявший голову политик, хитрец, которого перехитрили, игрок, которого переиграли. У этого человека под руками

был невиданный репрессивный аппарат, в его абсолютном подчинении — 170-миллионный героический народ, но Сталин не способен был к настоящему глубокому политическому анализу, в этом отношении он был второго сорта, и в критический момент он провалился.

...Это письмо выходит длиннее, чем я думал, и больше исторических свидетельств я приводить не буду. Но хочу подвести итог.

Вот, по мой взгляд, итог государственной мудрости Сталина к концу 30-х годов (как сказано, я говорю только об его международной политике и о том, что имел к ней прямое отношение):

1) Разгром командного состава Красной Армии накануне войны.

2) Срыв антифашистского единства рабочего класса на Западе.

3) Предоставление шанса Гитлеру покончить с Францией, Англией, нейтрализовать Америку, прежде чем наброситься на Советский Союз.

4) Отказ от серьезного укрепления советской обороны на путях предстоящего наступления вермахта.

5) Дискредитация западных компартий приказом отказаться от антифашизма в 1939 году.

6) Предоставление Гитлеру возможности внезапного ошеломляющего нападения на СССР, несмотря на наличие ряда достовернейших предостережений.

Это только за четыре года — 1937—1941.

Одного из шести перечисленных пунктов было бы достаточно, чтобы совершивший подобный просчет политик, кто бы он ни был, где бы он ни жил, навсегда потерял свою репутацию и с позором был изгнан со сцены, как непригодный к делу. Я вспоминаю ведущих капиталистических политиков того времени, и по сравнимым масштабам политического провала мне приходит на ум только один — Чемберлен. И того Гитлер, который отнюдь не был каким-нибудь Бисмарком и доказал это, бросив Германию в войну на два фронта, тоже обвел вокруг пальца. Но Чемберлен провалился не только потому, что был слеп, а прежде всего потому, что им руководила ослепляющая

классовая ненависть к нам... У Сталина такого парадоксального «оправдания» нет. Но слова «государственный ум» в применении к нему в то же время звучат как издевательство.

Если же взять все шесть пунктов вместе, в сумме, в связи друг с другом, как это и было ведь в жизни, то найти аналогию такому просчету в нашу эпоху вообще трудно. Вряд ли в истории было много прецедентов политического банкротства такого масштаба. Еще раз — с нас Сталина народ.

Да, «перечеркнуть четверть века нашей истории» действительно нельзя, как Вы говорите. Но нельзя и не видеть того, что было за эту четверть века на деле. Мне кажется, Вы чувствуете, что в Вашей двойственной оценке Сталина что-то не ладится, что где-то она себя отрицает. Вероятно, потому, говоря о победах и подвигах Советской Армии в эту эпоху, Вы замечаете: «Может быть, правильнее не «благодаря Сталину», а «несмотря (вопреки) на Сталина».

Да, вот с такой поправкой согласиться можно, несмотря на Сталина, «наш народ превратил отсталую Россию в мощное современное государство». Несмотря на Сталина, он «разбил армии Гитлера». Несмотря на Сталина, он «учился, читал, духовно вырос, совершил столько подвигов, что стал по праву героем XX века».

Миллионы согласятся с таким выводом. Но где же тогда положительная половина Вашей оценки Сталина, Илья Григорьевич? Где тогда его макиавеллиевское величие? Его «государственный ум»?

Не было государственного ума. Не было величия. Была довольно ограниченная хитрость и сила, опиравшаяся на самодержавную власть над огромными человеческими ресурсами. Была авантюристическая игра ва-банк, объяснявшаяся не преданностью идее коммунизма, а невероятным самомнением, сладострастной похотью к личной власти за счет идей...

Мне казалось, так смотрите на Сталина и на то, что было со всеми нами, и Вы. Я ошибался? Но тогда то, что Вы теперь пишете о Сталине, Вы пишете против себя.

Зачем Вам помогать в создании легенды о творившем добро злом советском Макиавелли? Вы говорите о требованиях совести: «Я стал бы говорить еще и о том, что требуется в интересах будущего коммунизма». Но если так, то надо разрушать, разоблачать ее, эту легенду. Надо сказать правду. Ведь Вы знаете, что спрятать ее не сумеет никто. Нельзя противопоставлять совести историю, она всегда мстит за это.

Я кончаю. Многие, очень многие в нашей стране и за рубежом Вам верят, Илья Григорьевич. Они были в душе с Вами, когда огонь направлялся на Вас, зная, что Вы говорите правду. Они продолжают быть с Вами. Мне кажется, что Ваша оценка Сталина — ошибка. Те из стариков, кто помнит, знает и еще думает, с Вами не согласятся. Молодые Вас не поймут. Кто-то перестанет верить. Не поймут иностранные коммунисты, которые всегда Вас ценили. Не поймут и те, кто будет жить после нас, будущее не со сталинщиной. А ведь главную рецензию о Вас напишут они.

Скажу еще раз: Вы пишете против себя. Я ни секунды не верю в то, что Вы делаете это ради каких-то так называемых тактических соображений. Вы слишком умны для этого и не можете не знать, что такая тактика всегда неизбежно бьет бумерангом по тому, кто ее применяет. Простите за резкость, если она есть в этом письме. Если бы я не ценил Вас, я бы не писал.

30 мая 1965 года.

Эрист Генри.

Post scriptum двадцать три года спустя

Журналист-международник, лауреат премии имени В. Воровского Эрист Генри отвечает на вопросы корреспондента «ДН» Эдуарда Белтова.

— Не скрою, Семен Николаевич, по началу мне показался не вполне корректным сам факт публикации письма, оставшегося в свое время без ответа...

— Не могу сказать, что помешало глубоко уважаемому мною Илье Григорьевичу ответить мне. Могу только сожалеть по поводу того, что переписка не состоялась...

— *...И тем не менее, рассматривая это письмо как исторический документ, имеющий определенное общественное значение, зочу спросить вас: не изменилась ли ваша точка зрения — как никак прошло двадцать с лишним лет — на личность Сталина и его роль в нашей истории?*

— Прежде чем ответить на этот вопрос, я хотел бы предупредить возможные упреки в излишней, может быть, односторонности, о которой говорится в редакционном вступлении к тексту моего письма. Конечно же, невозможно говорить о фигуре Сталина, вырывая ее из общественно-политического контекста эпохи в целом. Говоря о наших достижениях в самых разных областях жизни — а в том, что они были реальностью в те годы, о которых идет речь, усомниться может только человек, сознательно закрывающий глаза на то, что выходит за рамки его представлений об историческом процессе, — говоря об этих достижениях, нельзя в известной мере не отнести их и к Сталину. «В известной мере» — значит, в той, какую он заслуживает. Ни больше и ни меньше. Другое дело, что в своем письме я на этой стороне вопроса не останавливался — и не потому вовсе, чтобы сгустить краски, а потому лишь, что это казалось мне само собой разумеющимся, да и предмет полемики, как видно из текста письма, был иным. Что же касается вашего вопроса — ни от единого слова в письме и сегодня, спустя двадцать с лишним лет, не отказываюсь. Скажу больше: размеры письма, и так получившегося достаточно длинным, не позволили мне сказать еще кое о чем, привести значительно больше фактов, подтверждающих мою точку зрения.

— *Мне тоже показалось, что в тексте письма немного недостает конкретики, а ведь она в споре убеждает сильнее, чем общие рассуждения.*

— Действительно, может быть, стоило подробнее сказать о том, во что кон-

кретно вылилась попытка Сталина подорвать перед войной международное коммунистическое движение. Не секрет, что репрессии против видных коммунистов, представлявших западные компартии и по тем или иным причинам оказавшихся в 30-е годы в СССР, начались еще до заключения пакта с Гитлером, то есть до 1939 года. Напомню, что уже в первой половине 1937 года были арестованы члены руководства Германской компартии Х. Эберлейн, Г. Реммеле, Г. Нойман, Ф. Шульце, Г. Кинненбергер, руководители Югославской компартии М. Горкич, М. Филипович, а чуть позже и В. Чопич, вернувшийся из Испании, где он командовал 15-й интербригадой имени Линкольна. Тогда же были репрессированы выдающийся деятель международного коммунистического движения Бела Кун, целый ряд руководителей Польской компартии — Э. Прухняк, Я. Пашин, Ю. Ленский, М. Кошутская и многие другие. Это, повторяю, было до 1939 года. Ну а после заключения пакта с Германией Сталин просто-напросто выдал Гитлеру множество антифашистов, бежавших в нашу страну после 1933 года. Нельзя не упомянуть также и о таинственном исчезновении в те же годы «шунбундовцев» — членов военизированной организации австрийских левых социал-демократов, в феврале 1934 года поднявших восстание против фашистов и реакционеров и после его поражения нашедших убежище в СССР. Видимо, Сталину очень не понравилось, что в Австрии возникал единый фронт коммунистов и социал-демократов. К сожалению, таких грустных фактов можно привести множество.

— *Как известно, вождь германских коммунистов Эрнст Тельман к моменту заключения договора с Германией находился в тюрьме. Не мог ли стать факт заключения договора поводом для оказания давления на Гитлера с целью освобождения Тельмана?*

— Очень может быть. Но Сталин этого не сделал, опасаясь, видимо, испортить отношения с Гитлером.

— *Теперь вопрос, относящийся уже не к прошлому, а к настоящему и,*

как знать, во многом, может быть, и к будущему: правильно ли мы поступаем, через много лет возвращаясь к такой трагической странице нашей истории, какой были годы культа личности Сталина? Что до меня, то я считаю, что понятие гласности, о котором сегодня так много говорят, должно трактоваться расширительно, то есть относиться не только к событиям сегодняшним, но и ко дню вчерашнему...

— Согласен с вами. Я прожил долгую жизнь, и практически вся история того, что впоследствии получило название «культ личности Сталина», прошла у меня перед глазами. Так вот, я анализирую события тех давних лет не для того, чтобы судить, а для того, чтобы попытаться объяснить, как могло случиться то, что случилось, объяснить поколению, которое идет следом за нами. Это очень важно, потому что, будучи вооружено знанием, будучи информировано до тонкостей, оно, надеюсь, не допустит повторений ошибок прошлого. Вы говорите о гласности, но ведь гласность без информированности — ничто! Приведу пример. Недавно умер В. М. Молотов, которого связывали со Сталиным долгие годы совместной работы, который верил Сталину беспримельно и остался верен до конца своих дней. Тридцать лет назад он подвергся суровой критике и тем не менее остался на позициях сталинизма. Он знал много, очень много, но так до конца своей жизни ничего и не сказал — ни народу, ни партии. Безусловно, Молотов был не чета авантюристам тина Ягоды, Ежова или Берия — мне известны случаи, когда он спасал от расправы тех, над кем завис нож сталинской гильотины. Но мало кто знает, что этот нож висел и над ним самим! В 1953 году были арестованы И. М. Майский, который, как вам известно, был во время войны послом в Великобритании, и трое сотрудников советского посольства в Лондоне, в том числе и ваш собеседник. Можно с большой долей уверенности сказать, что тогда готовился процесс против Молотова и что его и нас вместе с ним спасла только смерть Сталина...

— Как-то в разговоре вы назвали себя «историческим оптимистом даль-

него прицела», и в этой связи я не могу удержаться, чтобы не сказать: вы современник очень трудного века, бывший свидетелем переломных моментов истории, и вообще ваши жизненный путь, насколько мне известно, не был усыпан розами. В чем же корень вашего «исторического оптимизма»?

— Может быть, в понимании факта, кажущегося мне непреодолимым: переход к новому, молодому обществу, обществу будущего, неизбежно сопровождается драматическими, а порой и трагическими коллизиями. Остаться на высоте положения, не поступиться собственными принципами, жить не только повседневными заботами, но и заботами о предстоящем человечеству великом долгосрочном будущем — это и значит быть «историческим оптимистом». Старики, в особенности те, кто безвинно пострадал в свое время, могут спросить: зачем ворошить прошлое, бередить не вполне зажившие раны? Не лучше ли предать все это забвению и, встряхнувшись, продолжать бодро двигаться дальше? Молодые, которые не знают многого из того, что было в прошлом, могут сказать: а зачем нам это знать? Я бы ответил на эти вопросы так: перестройка общественного сознания, которая сейчас происходит в нашей стране, может и должна зиждиться только на абсолютном доверии, на полной уверенности в существовании в самых глубоких слоях общества непреходящих ценностей духовного и идейного характера. А в том, что такие ценности существуют, я глубоко уверен, так же как уверен в том, что правда, как бы горька она ни была, может быть только положительным фактором как при анализе исторического процесса в целом, так и при изучении роли в истории любой отдельно взятой личности.

Дружба народов, 1988, № 3

1987 г.

По страницам истории

5

Октябрь, перестройка и современный мир

[Материалы пресс-конференции от 3 ноября 1987 г.]

6

Павел Волобуев

Великий Октябрь и исторические судьбы нашей Родины

11

«Белые пятна»

[Беседа с доктором философских наук Анатолием Бутенко]

16

Часы с боем

[Беседа доктора исторических наук Юрия Афанасьева
и драматурга Михаила Шатрова]

19

Егор Яковлев

Первое правительство

22

Егор Яковлев

Прощание

29

Продвижение к правде

[Беседа доктора исторических наук Дмитрия Шелестова
и журналиста Константина Елютина]

33

Дмитрий Казутин

Письма Ирины Шляпниковой

39

Феликс Медведев

«Он хотел переделать жизнь,
потому что ее любил»

43

Лев Воскресенский
«Знайте, товарищи...»
57

Игорь Донков, Александр Никонов
Ян Рудзутак
62

Альберт Ненароков
У времени в плену...
68

Борис Ефимов
Тайна судьбы Михаила Кольцова
77

Раскольников Федор Федорович
Материалы к биографии
89

Зиновий Шейнис
Максим Литвинов возвращается в строй
90

Константин Симонов
Уроки истории и долг писателя
95

Александр Самсонов
Главное в истории правда
106

Василий Кулиш
К вопросу об уроках и правде истории
109

Дмитрий Волкогонов
Феномен Сталина
122

Евгений Евтушенко
Наследники Сталина
131

Вячеслав Кондратьев
По горячим следам памяти и правды
134

Владислав Кутузов
«Ленинградское дело»
139

Борис Болотин
Жизнь и догмы
148

Юрий Буртин
«Вам, из другого поколения...»

153

Юрий Афанасьев
Нелепо бояться самих себя,
или Повод для раздумий

169

Из периодики 1987 года
172

1988 г. Январь — июнь

Анатолий Бутенко
Как подойти к научному пониманию истории
советского общества

177

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному
изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими
место в период 30—40-х и начала 50-х годов

187

Николай Бухарин
Будущему поколению руководителей партии

188

Руслан Лынев
А. И. Рыков, революционер, политик и человек

191

Михаил Томский — каким он был?
[Беседа кандидата исторических наук С. И. Горелова с Ю. М. Томским]

196

Юрий Дмитриев
Дмитрий Плетнев: «Я готов кричать на весь мир
о своей невинности...»

201

Аркадий Ваксберг
Царица доказательств

205

Юрий Феофанов
Возвращение к правде

215

Иван Анфертьев
Возвращение Сокольникова

222

Лев Разгон

Наконец!

231

Геннадий Жаворонков
И единожды не солгавший
233

Федор Раскольников
Открытое письмо Сталину
237

Анатолий Латышев
Трагедия Коминтерна
243

Борис Виктор
«Заговор» в Красной Армии
247

Аркадий Ваксберг
Тайна октября 1941-го
256

Александр Самсонов
Сталинград: ни шагу назад!
260

Эрнст Генри
Письмо «исторического оптимиста»
265

Андрей Мерцалов
Миф о великом стратеге
274

Анатолий Ежелев
Душное лето 46-го
278

Александр Афанасьев
Победитель
287

Давид Гай
Конец «дела врачей»
296

Человек и символ

[Беседа корреспондента «Комсомольской правды» Р. Гусейнова
с доктором исторических наук Ю. С. Борисовым]

300

540

Серго Микоян

Слуга

310

Федор Бурлацкий

Хрущев

314

Юрий Новопашин

Что было после Коминтерна

324

Антон Губанков

Лазуркины

327

Алексей Абрамов

Как это было

335

Поэль Карп

Воздух ученого

337

Отто Лацис

Сказки нашего времени

342

Из периодики первого полугодия 1988 года

348

1988 г. Июль — декабрь

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов

355

В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов

357

«На всех парах... вперед!»

[Беседа доктора исторических наук Геннадия Соболева и журналиста Владлена Чертинова]

359

Лев Воскресенский

1921 год: урок правды

364

Виталий Старцев
Политические руководители Советского государства
в 1922 — начале 1923 года

375

Дмитрий Шелестов
Григорий Зиновьев: жизнь и борьба

395

Михаил Соколов
Война и мир Карла Радека

399

Письмо Христиана Раковского

407

Наталья Изюмова

СТОИ

413

За пять лет до 1937-го

[Беседа с доктором исторических наук Татьяной Коржихиной]

417

Мартемьян Рютин
«Прочитай, передай другому!»

420

Царь-голод

[Беседа с писателем Юрием Щербаком]

425

Михаил Росляков
Выстрел в Смольном

433

Рой Медведев
Наш иск Сталину

440

Николай Матуковский
Правда о Куропатах

444

Герои из 37-го

[Беседа Бориса Викторова и журналиста Александра Афанасьева]

448

У порога войны

[Беседа с доктором исторических наук Василием Кулишом]

456

Донат Жеребов
Ленинградская битва

463

542

Давид Кугультинов
«От правды я не отрекался»
467

Письма Анны Михайловны Панкратовой
473

Один из «окружения»
[Беседа с историком Роем Медведевым]
497

Юрий Левада, Виктор Шейнис
Погружение в трясину.
Акт первый: 1964—1968
503

Мэлор Стурӯа
Две фотографии к одному портрету
509

Юрий Рост
Академик
516

Публикации за июль — декабрь 1988 г.
528

История без «белых пятен»: Дайджест прессы. 1987, И90 1988.— Л.: Лениздат, Социально-коммерческая фирма «Человек», 1990.— 543 с.

ISBN 5-289-01137-4

В дайджест вошли наиболее интересные публикации прессы 1987 и 1988 годов, посвященные актуальным и острым проблемам истории партии и советского общества.

И 0503020000—169 без объявл.
М171(03)—90

63.3

ИСТОРИЯ БЕЗ «БЕЛЫХ ПЯТЕН»

Дайджест прессы
1987—1988 гг.

Составители:
Елена Борисовна Никанорова,
Светлана Алексеевна Прохвятилова,
Анатолий Яковлевич Разумов,
Эльмира Алимовна Урусова

Художник А. Е. Нечеев
Художественный редактор А. А. Власов
Технический редактор В. И. Демьяненко
Корректоры: З. Б. Буннс,
И. В. Левтонова

ИБ № 5611

Сдано в набор 29.07.89. Подписано к печати 12.01.90. Формат 70×100^{1/16}. Бумага офс. ки.-жури. Гарн. обыкновенная нов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 44,20. Усл. кр.-отт. 88,44. Уч.-изд. л. 46,38. Тираж 100 000 экз. Заказ № 188. Цена 3 р. 20 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59

Отпечатано в ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького при Госкомпечати СССР, 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

